

*Гриднева И.В.,
магистрант,
3 курс юридический факультет
Университет «Синергия»
Россия, г. Москва*

**ЗАЩИТНИК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ СОЦИАЛЬНО
НЕЗАЩИЩЕННЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ЛИЦ**

Аннотация: В статье исследуются проблемы реализации права на защиту социально незащищенными группами: несовершеннолетними обвиняемыми (включая лиц в возрасте 18–20 лет, в отношении которых допускается применение правил о несовершеннолетних, а также вовлеченных в преступления взрослыми), лицами, в отношении которых решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, и иностранными гражданами. Выявляются системные дефекты: формальное участие защитника, игнорирование статуса несовершеннолетнего как жертвы вовлечения, отсутствие механизмов контроля на этапах продления принудительных мер и низкое качество переводческих услуг.

Ключевые слова: защитник, адвокат, право на защиту, несовершеннолетние обвиняемые, лица в возрасте 18–20 лет, вовлечение несовершеннолетних в преступление, принудительные меры медицинского характера, иностранные граждане, судебная практика.

Annotation: The article examines the problems of implementing the right to defense by socially vulnerable groups: minor defendants (including persons aged 18–20 years, to whom the rules concerning minors may apply, as well as those

involved in crimes by adults), persons in respect of whom the issue of applying compulsory medical measures is being decided, and foreign citizens. Systemic defects are identified: formal participation of defense counsel, disregard for the status of a minor as a victim of involvement, lack of control mechanisms at the stages of extending compulsory measures, and the low quality of translation services.

Keywords: *defense counsel, advocate, right to defense, minor defendants, persons aged 18–20 years, involvement of minors in crime, compulsory medical measures, foreign citizens, judicial practice.*

Введение

Конституция Российской Федерации в статье 48 гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи [1]. В уголовном судопроизводстве эта гарантия приобретает особое значение, поскольку речь идет о возможности ограничения фундаментальных прав человека. Как справедливо отмечает В.С. Шадрин, «если лицу не сообщено о принадлежащих ему правах, и они не разъяснены, то вряд ли можно говорить об их обеспечении» [2]. Однако эффективность реализации права на защиту напрямую зависит от того, кто именно нуждается в защите. Социально незащищенные категории участников процесса — несовершеннолетние, лица с психическими расстройствами, иностранные граждане — оказываются в зоне повышенного риска. Цель настоящей статьи — выявить системные проблемы реализации права на защиту этими категориями и предложить пути их решения.

1. Несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые: между заботой и произволом

Законодательство формально предоставляет несовершеннолетним повышенную защиту. Пункт 2 части 1 статьи 51 УПК РФ устанавливает обязательное участие защитника по делам несовершеннолетних. Часть 2

статьи 425 УПК РФ прямо запрещает допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого без участия защитника [3].

Однако разъяснение права на защиту должно проходить как можно более полно, подробно и содержательно, желательно с установлением обратной связи с обвиняемым для контроля понятого им разъяснения, но на практике обязательное участие защитника слишком часто оборачивается формальным присутствием. Адвокат «по назначению» зачастую видит подростка впервые за несколько минут до допроса, либо уже включается в процессе допроса, что исключает выработку позиции и установление психологического контакта.

Еще одна острейшая проблема — давление на этапе задержания. Подросток, испуганный и дезориентированный, оказывается один на один с сотрудниками правоохранительных органов. Как указывается в курсе уголовного процесса под редакцией Л.В. Головки, цель таких действий проста — получить признательные показания, пока «клиент» не осознал возможность хранить молчание [4]. С одной стороны, органы следствия имеют право оказывать разумное давление с целью расследования преступлений, но учитывая «излишнюю» квалификацию деяний с целью выполнения плана и получения мотивационных вознаграждений, давление, особенно на подростков, оказывается неразумным.

Участие педагога или психолога, предусмотренное статьей 425 УПК РФ, также зачастую превращается в пустую формальность. Исследователи С.В. Верхотурова и О.В. Павленко справедливо отмечают, что приглашенный школьный учитель, не имеющий специальных познаний в области юридической психологии, не способен оценить, оказывается ли на подростка давление, понимает ли он смысл происходящего [5]. М.С. Демкина в своем диссертационном исследовании приводит данные, что в судах Самарской области в 55% случаев к допросам привлекались именно педагоги, а не психологи, что не всегда отвечает интересам подростка [6].

На практике нередки случаи, когда участие педагога или психолога не обеспечивается даже тогда, когда это обязательно. Более того, закон ограничивает их участие только допросом, оставляя без защиты подростка при проведении очной ставки, проверки показаний на месте или опознания.

Поэтому остро необходимо распространить правила статьи 425 УПК РФ на все вербальные следственные действия.

Пример из практики: Автозаводским районным судом г. Тольятти при рассмотрении дела в отношении четырнадцатилетних А. и К. в качестве педагогов были привлечены учитель и завуч школы, которые одновременно являлись свидетелями по делу. Это грубейшее нарушение нивелирует гарантии и ставит подростка в заведомо проигрышное положение.

1.1. Несовершеннолетний как жертва вовлечения в преступную деятельность взрослыми

Особого внимания заслуживает ситуация, когда подросток совершает преступление в группе со взрослыми. В правоприменительной практике доминирует подход к такому несовершеннолетнему исключительно как к соучастнику. При этом игнорируется тот факт, что в большинстве случаев подросток сам является жертвой — жертвой вовлечения в преступную деятельность (ст. 150 УК РФ).

Как отмечают О.В. Левченко и Е.В. Мищенко, «общая цель международно-правовых норм заключается в обеспечении наилучших интересов детей, оказавшихся в конфликте с законом» [7]. Взрослый, обладая жизненным опытом и авторитетом, способен склонить подростка к противоправному поведению, подавив его волю. Несовершеннолетний в силу возрастных особенностей — повышенной внушаемости, зависимости от мнения значимых взрослых — является уязвимой стороной.

Выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство (ст. 422 УПК РФ) преследует цель именно оградить его от отрицательного влияния взрослого соучастника.

Не исключены ситуации, когда несовершеннолетние под давлением взрослых признаются в совершении деяний, которых не совершали. Необходимо отметить важность механизма выделения уголовного дела, но только для соблюдения интересов несовершеннолетнего.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 42 Постановления от 01.02.2011 № 1 прямо указывает: «при рассмотрении дел о преступлениях... суду надлежит выяснять характер взаимоотношений между ними, поскольку эти данные могут иметь существенное значение для установления роли взрослого лица в вовлечении несовершеннолетнего» [8]. Однако, как показывает анализ, это требование почти всегда игнорируется.

Задача защитника в таких обстоятельствах должна выходить далеко за рамки простого оспаривания квалификации. Адвокат обязан тщательно исследовать характер взаимоотношений подростка со взрослым соучастником, инициировать вопрос о привлечении взрослого к ответственности по ст. 150 УК РФ и использовать знание о факте вовлечения для смягчения позиции. Игнорирование этого аспекта превращает несовершеннолетнего из жертвы в «обычного» преступника, что противоречит принципам ювенальной юстиции, закрепленным в Пекинских правилах.

1.2. Особенности уголовной ответственности лиц в возрасте от 18 до 20 лет

Отдельного внимания заслуживает положение лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, но к моменту расследования или судебного разбирательства достигших 18–20 лет. Часть 1 статьи 96 УК РФ предусматривает, что «в исключительных случаях суд может применить положения настоящей главы к лицам, совершившим преступления в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, кроме помещения их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа либо воспитательную колонию».

Это положение корреспондирует международным стандартам, в частности статье 1 Конвенции о правах ребенка, которая определяет ребенка как лицо до 18 лет, но допускает исключения. Однако на практике применение статьи 96 УК РФ сталкивается с серьезными проблемами.

Во-первых, критерии «исключительности» законодательно не определены, что порождает противоречивую судебную практику. Во-вторых, возникает процессуальная коллизия: обязательное участие защитника и законного представителя, предусмотренное для несовершеннолетних, перестает быть таковым по достижении лицом 18 лет. Суды по-разному подходят к этому вопросу. Одни считают, что если лицу на момент рассмотрения дела исполнилось 18 лет, то участие законного представителя не обязательно. Другие, следуя позиции Верховного Суда РФ, полагают, что правила главы 50 УПК РФ применяются, если преступление совершено в несовершеннолетнем возрасте.

Право на защиту в производстве по делам о преступлениях несовершеннолетних представляет собой обеспечиваемое в обязательном порядке правовое средство. Лишение лица, которому только что исполнилось 18 лет, этих гарантий является необоснованным. Исследователи предлагают закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ положение о том, что правила главы 50 УПК РФ (включая обязательное участие защитника и законного представителя) должны применяться в полном объеме, если преступление было совершено лицом в несовершеннолетнем возрасте, независимо от его возраста на момент судебного разбирательства.

2. Защита лиц с психическими расстройствами в делах о применении принудительных мер медицинского характера

Особого внимания требуют дела о применении принудительных мер медицинского характера (глава 51 УПК РФ). Как верно отмечает Г.В. Назаренко, принудительные меры медицинского характера — «особая

уголовно-правовая форма государственного принуждения, содержание которой заключается в принудительном лечении» [9].

Формально здесь нет обвиняемого — есть «лицо, в отношении которого ведется производство», что создает правовую неопределенность. Статья 437 УПК РФ предусматривает участие защитника, но механизм прописан недостаточно детально, что порождает проблемы с реализацией права на защиту.

Ключевую роль играет судебно-психиатрическая экспертиза. Однако защитник часто лишен возможности полноценно оспорить это заключение. Эксперты назначаются следователем, вопросы формулируются стороной обвинения, что ставит защиту в неравное положение.

Самая серьезная проблема — полное исчезновение защитника из процесса после вынесения решения. УПК РФ детально регламентирует порядок назначения ПММХ, но крайне скуп — порядок их продления. Согласно части 2 статьи 445 УПК РФ, вопрос о продлении, изменении или прекращении ПММХ рассматривается судом по заключению комиссии врачей-психиатров. При этом участие защитника не является обязательным, а лицо может даже не извещаться о заседании.

На практике, защитник на этих стадиях, как правило, отсутствует. Суды рассматривают дела по заключениям врачей, которые объективно заинтересованы в продлении лечения из-за боязни ответственности. Это создает ситуацию, когда человек может годами находиться в стационаре без реальной защиты.

Анализ дипломной работы В.В. Сидоровой, посвященной принудительным мерам медицинского характера, показывает, что количество удовлетворенных ходатайств о продлении принудительных мер приближается к 100% [10]. Доля участия защитников в таких заседаниях крайне мала. В работе приводятся конкретные примеры из практики Свердловской области, где суды годами продлевали лечение в отношении

одних и тех же лиц, фактически не проверяя обоснованность заключений врачей.

Яркой иллюстрацией является Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 15 октября 2025 г. по делу № 22-1916/2025, где суд отменил решение первой инстанции, поскольку дело было рассмотрено в отсутствие адвоката лица, страдающего психическим расстройством [11]. Суд указал, что в силу п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (п. 15 Постановления от 30.06.2015 № 29), участие защитника для таких лиц обязательно.

Европейский суд по правам человека неоднократно указывал, что такое положение дел нарушает ст. 5 и 6 Конвенции. В постановлении по делу «Штукатуров против России» (2008 г.) ЕСПЧ отметил, что лицо должно иметь возможность участвовать в процессе и оспаривать медицинские заключения [12].

Томас Сас в своей работе «Миф душевной болезни» убедительно доказывает, что в такой субъективной сфере, как психиатрия, полагаться исключительно на мнение одной стороны — значит создавать питательную среду для произвола [13]. Правозащитники из Гражданской комиссии по правам человека также отмечают, что эта система освобождает от ответственности всех, кроме пациента: суд кивает на психиатров, а психиатры — на то, что решение принимает суд.

3. Иностранцы граждане и лица без гражданства: языковой барьер

Иностранцы — также социально незащищенные участники уголовного процесса. Право на переводчика (ст. 18 УПК РФ) реализуется с большими проблемами. Единственное требование к переводчику — свободное владение языком, критерии которого законом не определены. Следовательно, не владеющий языком, не может проверить компетентность переводчика. Это приводит к тому, что переводчиками становятся случайные люди.

Предлагается решение: закрепить в УПК РФ требование о наличии у переводчика диплома или сертификата, удостоверяющего владение языком. Однако проблемой остаются редкие языки, где найти специалиста сложно.

Также понимание основной юридической терминологии для переводчика крайне желательно.

Право на свидание с консулом (Венская конвенция 1963 года) также реализуется далеко не всегда.

4. Адвокат «по назначению»: между долгом и риском

Центральной фигурой, призванной защищать перечисленные группы, является адвокат, как правило, по назначению. Однако его положение крайне противоречиво. Зачастую складывается ситуация «двойной защиты», когда назначенный защитник, явившись по заявке суда, рискует стать объектом дисциплинарного преследования со стороны коллеги по соглашению.

Разъяснения Совета АП г. Москвы № 11 предписывают адвокату в такой ситуации незамедлительно предпринять действия для прекращения своего участия. Однако суды часто игнорируют это и направляют представления на адвокатов.

Особенно показательна дисциплинарная практика по делам о недобровольной госпитализации. Обзор Гражданской комиссии по правам человека фиксирует массу случаев формального подхода: адвокаты не встречаются с доверителем, не выясняют его волю, не участвуют в прениях и, что самое важное, не обжалуют решение суда.

Совет АП г. Москвы в ряде решений (по жалобам К., Б., Ф.) указывал, что решение о госпитализации затрагивает права человека в степени, сопоставимой с уголовным приговором, а потому его обжалование является обязанностью адвоката, если доверитель против госпитализации. В Информационном письме Совета АП Спб от 24.11.2009 подчеркивается: адвокат должен уважать именно волю, а не «интересы» доверителя, даже если речь идет о лице с психическими нарушениями.

Статистика, приведенная в обзоре ГКПЧ, неумолима: при почти 19 000 удовлетворенных исков о госпитализации в год подается лишь около 1300 апелляционных жалоб (менее 7%). Это прямое следствие формального подхода.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, существующие законодательные гарантии для социально незащищенных категорий лиц носят во многом декларативный характер. Обязательное участие защитника, педагога, переводчика на практике зачастую оборачивается формальным присутствием.

Во-вторых, при защите несовершеннолетних, совершивших преступление в группе со взрослыми, системно игнорируется их статус как жертв вовлечения. Это требует от защитника принципиально иной, более активной позиции. Лица в возрасте 18–20 лет, совершившие преступление в несовершеннолетнем возрасте, также нуждаются в сохранении процессуальных гарантий, предусмотренных главой 50 УПК РФ.

В-третьих, наиболее проблемными остаются дела о принудительных мерах медицинского характера, где после вынесения первоначального решения защитник исчезает, и человек остается один на один с медицинской системой.

В-четвертых, иностранные граждане сталкиваются с неквалифицированным переводом, что делает их защиту невозможной.

В-пятых, сама фигура адвоката по назначению оказывается в зоне риска, что требует более четкой регламентации его прав и обязанностей.

Для исправления ситуации представляется необходимым внесение следующих изменений в законодательство:

1. Установить обязательное участие защитника на всех стадиях производства по делам о принудительных мерах медицинского характера, включая продление (ч. 2 ст. 445 УПК РФ).

2. Предоставить лицу право на независимую психиатрическую экспертизу за счет государства.

3. Законодательно закрепить обязанность суда проверять обоснованность заключений психиатров и обеспечивать личное участие лица в заседании.

4. Распространить правила ст. 425 УПК РФ на все следственные действия с несовершеннолетними и ввести отдельную статью о статусе педагога и психолога.

5. Закрепить в УПК РФ обязанность суда и следствия при расследовании групповых преступлений с участием несовершеннолетних тщательно проверять версию о вовлечении подростка взрослым.

6. Распространить действие главы 50 УПК РФ на лиц в возрасте 18–20 лет, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, закрепив это в постановлении Пленума ВС РФ.

7. Установить в УПК РФ квалификационные требования к переводчику с ведением реестра аттестованных специалистов.

Только реализация этих мер позволит превратить право на защиту для социально незащищенных категорий из фикции в реальность.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.

2. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. — М. : Юрлитинформ, 2000. — 237 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

4. Головкин, Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. — М. : Статут, 2016. — 980 с.
5. Верхотурова, С. В. Актуальные вопросы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / С. В. Верхотурова, О. В. Павленко // Вестник ТюмГУ. — 2021. — Т. 7. — № 2 (26). — С. 152-164.
6. Демкина, М. С. Педагог (психолог) как участник уголовного судопроизводства: досудебный этап : дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Демкина. — Самара, 2018. — 242 с.
7. Левченко, О. В. Правовые основы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / О. В. Левченко, Е. В. Мищенко. — М. : ИНФРА-М, 2012. — 190 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства... об ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень ВС РФ. — 2011. — № 4.
9. Назаренко, Г. В. Принудительные меры медицинского характера : учеб. пособие / Г. В. Назаренко. — М. : Флинта, 2011. — 152 с.
10. Сидорова, В. В. Принудительные меры медицинского характера: уголовно-правовой аспект : выпускная квалификационная работа / В. В. Сидорова ; РГППУ. — Екатеринбург, 2019. — 56 с.
11. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 15.10.2025 по делу № 22-1916/2025. — Доступ из СПС «Гарант».
12. Штукатуров против России: постановление ЕСПЧ от 27.03.2008 (жалоба № 44009/05) // Бюллетень ЕСПЧ. — 2009. — № 3.
13. Сас, Т. Миф душевной болезни / Т. Сас. — М. : Канон+, 2021. — 320 с.